

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

В Петербурге Прохор Петрович сумел многое сделать. Побывал на огромном машиностроительном заводе, где по одобренным Протасовым чертежам заказал для своей электростанции турбину в пять тысяч киловатт, побывал в горном департаменте, чтоб посоветоваться о выписке из Америки драги для золотых приисков. Наконец разыскал поручика Приперентьева, которому перешел по наследству от брата золотиносный, остолбленный в тайге участок.

Поручик Приперентьев жил в двух комнатах на Моховой, у немки; ход через кухню. Неопрятный, с сонным лицом денщик, поковыривая в носу, не сразу понял, что от него хочет посетитель. Прохор дал ему два рубля — денщик мгновенно поумнел и побегал доложить барину.

Поручик принимал Прохора в прокуренной, с кислым запахом комнате. У него одутловатое лицо, черные усы, животик и, не по чину, лысина. Поручик тоже не сразу понял цель визита Прохора и, наконец кое-что уяснив, сказал:

— Ни-ко-гда-с... Я выхожу в отставку. Впрочем... черт!.. Ну, что ж... У меня как будто водянка, как будто бы расширение сердца... Словом, понимаете? Да. Выхожу в отставку и еду сам в тайгу, на прииск...

Прохору было очевидно, что поручик ошарашен его появлением, что поручик давным-давно забыл о прииске и теперь нарочно мямлит, придумывая чепуху.

— Для эксплуатации участка нужен большой капитал. Вы его имеете? — ударил его Прохор вопросом в лоб.

Поручик Приперентьев схватился за лоб, попятился и сел.

— Прошу, присядем. Насчет капиталов — как вам сказать?.. И да и нет... Впрочем, скорей всего — да. Я же-нюсь... Невеста с приличным состоянием... Сидоренко! Кофе...

Поручик наморщил брови, надул губы и с независимым видом стал набивать трубку.

— Впрочем... Знаете что? Кушайте кофе. Сигару хотите? Впрочем... у меня их нет... Этот осел денщик! Тьфу!.. Знаете что? Приходите-ка сегодня ко мне вечером поиграть в банчок. В фортуна верите, в звезду? Ага! Можете выиграть участок в карты. Я его цену в сто тысяч.

— Я бы мог предложить вам тыщу...

— Что? Как?! — Поручик выпучил продувные, с наглинкой глаза и прослезился.

— Тыщу, — хладнокровно сказал Прохор, отодвигая чашку с кофе. — В сущности, вы потеряли на него все права... Эксплуатации не было около двадцати лет, срок давности миновал. Но мне не хочется начинать в департаменте хлопоты об аренде, я желал бы сойтись с вами... Из рук в руки...

— Впрочем... Это какой участок? Вы про какой участок изволите говорить?

— Как — про какой? Да в тайге, золотиносный...

— Ах, тот! — басом закричал поручик и завертел головой. — Семьдесят пять тысяч... Ха-ха... Да мне в прошлом году давали за него двести тысяч... Я был при деньгах, сделкой пренебрег...

— Кто давал?

— Золотопромышленник Пупков, Петр Семенович.

— Такого нет...

— В этом роде что-то такое, понимаете: Пупков, Носков, Хвостов... Знаете, такой с бородкой. Итак, семьдесят пять тысяч...

— Тыщу...

— Я шуток не люблю. Впрочем, я кой с кем посоветуюсь. Позвоните завтра 39—64. Адъё... Мне в полк... Эй, Сидоренко!..

Проход, конечно, не звонил и больше с поручиком не видался. А Яков Назарыч, угостив Сидоренко в трактире водкой, пивом и яишенкой с ветчинкой, выведал от него необходимое. Барин — мот, картежник, пьяница, иногда при больших деньгах, но чаще пробивается займом денег по мелочам: то у хозяйки Эмилии Карловны, то у несчастного денщика Сидоренко. Недавно барин сидел на гауптвахте, недавно барина били картежники подсвечником по голове, а на другой день барин избил ни в чем не повинного денщика. Надо бы пожаловаться по начальству, да уж Бог с ним.

Рассказывая так, подвыпивший Сидоренко горько плакал.

И ровно в двенадцать Проход Петрович был на приеме у товарища министра. В новом фраке, с цилиндром в руке, слегка подпудренный, с усами и бородкой, приведенными в культурный вид, он стоял в приемной, любуясь собою в широком, над мраморным камином, зеркале.

— Их превосходительство вас просят.

Проход, с высоко поднятой головой, вошел в обширный, застланный малиновым ковром кабинет. Сидевший за черным дубовым столом румяный старичок, в партикулярном сюртуке, с орденом Владимира на шее, указал ему на кресло. Проход поклонился, сел. Старичок метнул на него бывалым взглядом, потербил крашеную свою бородку, снял очки.

— Я вас принял тотчас же потому, что знаю, кто вы. Излагайте.

Проход изложил дело устно и подал докладную записку.

— Ага, — сказал старичок и мягко улыбнулся. — Хорошо-с, хорошо-с... Зайдите дня через три... Впрочем,

через неделю. Вы не торопитесь? И так, через неделю, в четыре часа ровно... — И он сделал в календаре отметку.

Проход встал. Старик протянул сухую, в рыжих волосинках, руку. Проход сказал:

— Могу ли я, ваше превосходительство, надеяться, что моя просьба будет уважена?

— Гм... Сразу ответить затрудняюсь. Дело довольно туманное. Знаете, эти военные. Этот ваш, как его... Запиральский...

— Приперентьев, ваше превосходительство.

— Да, да... Приперентьев... Ну-с... — Румяный старичок широко улыбнулся, обнажая ровные, блестящие, как жемчуг, вставные зубы. — Я передам вашу записку на заключение старшего юрисконсульта, он по этой части дока. Надо надеяться, молодой человек. Надо надеяться.

Ровно через неделю, в четыре часа, Проход вновь был у товарища министра. Старик на этот раз — в вицмундире, со звездой, поэтому при встрече вел себя с подобающим величием.

— Ну-с? Ах, да. Садитесь, — сухо и напыщенно проговорил он. — Вы, кажется... Вы, кажется... По поводу...

— По поводу отобрания от поручика Приперентьева золотоносного участка и передачи его мне, ваше превосходительство.

— Да, да... Великолепно помню. Столько дел, столько хлопот. Бесконечные заседания, комитеты, совещания... С ума сойти... — Он произнес это скороговоркой, страдальчески сморщившись и потряхивая головой. — По вашему делу, милостивый государь, наводятся некоторые справки. У нас в столице подобные дела вершатся слишком, слишком медленно... Море бумаг, море докладов... Гибнем, гибнем! Придите через неделю. Но предварительно вас: розовых иллюзий себе не стройте — поручик Приперентьев подал встречное ходатайство... А что, у вас большое дело там, дома?

- По нашим местам солидное...
- Обратный капитал?
- Миллионов десять-двенадцать, ваше превосходительство.

Сановник вдруг поднял плечи, вытянул шею и быстро повернулся лицом к Прохору, сидевшему слева от него.

— О! — поощрительно воскликнул он, и все величие его растаяло. — Похвально. Очень, оч-чень похвально, милостивый государь. Итак... — Он порывисто поднялся и заискивающе пожал руку Прохора.

Представительный, весь в позументах, в галунах швейцар, подавая пальто, спросил Прохора:

— Ну как, ваша честь, дела, осмелюсь поинтересоваться?

— Неважны, — буркнул Прохор и вспомнил давнишний совет Иннокентия Филатыча: «Швейцарец научит либо лакей, к нему лезь». Широкобородый седой швейцар, похожий в своей шитой ливрее на короля трэф, взвешивал опытным взглядом, в каких капиталах барин состоит. Прохор сунул ему четвертной билет и пошел, не торопясь, к выходу. Швейцар, опередив его, отворил дверь и, низко кланяясь, забормотал:

— Премного, премного благодарен вами, ваша честь. И... дозволейте вам сказать... В прихожей-то неудобственно, народ. Мой вам совет, в случае неустойки али какого-либо промедления, действуйте чрез женскую, извините, часть... То есть... Ну, да вы сами отлично понимаете: любовный блезир, благородные амуры. Да-с... Например, так. Например, их превосходительство аккредитованы у мадам Замойской.

— Графиня?! — изумился Прохор, и сердце его заныло. Пред глазами быстро промелькнули: Нижний Новгород, ярмарка, зеленый откос кремля, воровская шайка. — Замойская? Графиня?

— Без малого что да. Баронесса-с... И соблаговолите записать их адресок.

Меж тем кончался срок высибки Иннокентия Филатыча. Прохор без него скучал. Яков Назарыч целиком ушел в дела, к нему насчет «прости Господи» — не подступись. А тот веселый старикан, с выдумкой, — авось какое-нибудь легкое безобразие вкупе с ним и сотворили бы. Да, жаль... И угораздило же черта беззубого порядочным людям носы кусать...

Утром постучали в номер. Вошел верзила в форме тюремного ведомства. Морда бычьья, с перекосом. Не то улыбнулся, не то сморщился, чтобы чихнуть, и подал розовый, заляпанный масляными пятнами пакетик:

— Письмо-с! От именитого сибирского золотопромышленника Иннокентия Филатыча Груздева с сыновьями.

— У него дочь-вдова. Да и нет такого золотопромышленника. Чего он там?

— Извольте прочесть.

«Милый Прошенька. Прости Бога для. Денежки твои — две с половиной тысячи, которые пропили всей тюрьмой. А то скука. Ноги мои опухли, и лик опух, а посторонних людей все-таки узнаю, не сбиваюсь. В эту пятницу привези, пожалуйста, какую-нибудь одежину по росту и сапоги. Еще какой-нито картузишко. А свое все пропито, которое украли, сиюзу в ресторанском халате, вша ест».

— Что же, в пятницу он выходит? — спросил Прохор, передавая письмо Якову Назарычу.

— Так точно-с... — сказал верзила, стоя во фронт и придерживая рукой шашку.

— Веселый старик?

— Очень даже-с... Уж на что помощник начальника тюрьмы, а и тот кажинный Божий день два раза пьяный в доску-с. И надзиратели пьяные, и вся камера пьяная.

Прохор дал ему три рубля и отпустил. Яков Назарыч хохотал.

В день выхода старца на свободу в вечерней «Биржевке» был напечатан кляузный фельетон: «Веселая тюрьма». Талантливо описывая пьяную вакханалию в одной из петербургских тюрем, автор фельетона требовал немедленного расследования этого неслыханного дела и примерного наказания виновных, во главе с начальником тюрьмы и героем «всемирного пьянства» сибиряком И. Ф. Груздевым, заключенным в узилище за укушение носа обер-кондуктору Храпову.

Освобожденный Иннокентий Филатыч скупил около сотни номеров этой газеты и разослал ее всем знакомым с наклеенной под заметкой надписью: «На добрую память из Петербурга».

Иннокентий Филатыч чувствовал себя вознесенным на небо. Он ходил по Питеру с видом всесветно известного героя, всем улыбался, заглядывал в глаза, будто хотел сказать: «Читали? Иннокентий Груздев — это я».

II

— А не желаете ль, мадам, прогуляться?

— Отчего ж... С вами всегда рада. Вы вечно заняты, к вам не подступись.

Нина в белом, замазанном свежей землей халате копалась у себя в саду.

— Что? Селекционные опыты, гибриды, американские фокусы? — присел возле нее на скамейку Андрей Андреевич Протасов.

— Да. Вот поглядите, какой удивительный кактус... Совершенно без колючек. Чудо это или нет? Где вы видели без колючек кактусы?.. Ну, ну?

— А какая разница: в колючках эта дрянь или без колючек? Травя — не человек.

— Во-первых, это не трава. А во-вторых...

— А во-вторых, я очень жалею, что у вас, в вашем характере нет ни одной колючки. А не мешало бы...

— Зачем?

— Ну, хотя бы для того, чтоб больно, в кровь колоть. Ну, например... Кого же? Ну, вашего супруга, например... Простите меня... За его беспринципность... За его, я бы сказал... ну, да вы сами знаете, за что...

Нина выпрямилась, бросила железную лопатку, и ее стоптанные рабочие башмаки стали носками круто врозь.

— Да как, как?! — горячо, с горестью воскликнула она. — Ах, если бы он был кактус, жасмин, яблоня!.. Тогда можно было бы привить, облагородить... Но, к сожалению, он человек. Да еще какой: камень, сталь!

— Вы спрашиваете меня — как? Хм. — Протасов улыбнулся и стал в смущении ковырять землю тросточкой. — Важно, чтоб в вашем сознании созрела мысль бить силу силой, убеждения — контрубеждениями. А как именно, то есть — вопрос тактики?.. Хм... Простите, я в это не имею права вмешиваться... Уж вы как-нибудь сами, своим умом и сердцем.

Их глаза встретились и быстро разошлись. Нина, вздохнув, сказала:

— Пойдемте, я покажу вам мои успехи.

Они двинулись дорожкой. Инженер Протасов — вяло и расхлябанно, Нина — четкой, быстрой ступью. Миновали две гипсовые статуи Аполлона и Венеры с отбитыми носами, обогнули стоявшую на пригорке китайскую, увитую диким виноградом беседку, очутились в обширном фруктовом саду, обнесенном высоким забором с вышкой для караульного. Длинные, ровные, усаженные ягодами гряды и ряды молодых плодоносных деревьев.

— Где это видано, чтоб в нашем холодном краю могли расти яблоки, вишни, сливы?.. Вот они! Сорвите, покушайте. А вот малина по грецкому ореху, а вот созревающая ежевика. Особый ее сорт, я очень, очень благодарна мистеру Куку.

— В сущности, не ему, а Лютеру Бёрбанку. Так, кажется?

— Да, главным образом, конечно, и ему — этому знахарю, этому «стихийному дарвинисту», как его называют

в Америке. Но если б не мистер Кук, я о существовании Бёрбанка и не подозревала бы.

Действительно, мистер Кук, безнадежно влюбленный в Нину, заметив в ней склонность к садоводству, еще года три тому выписал из Америки и подарил ей к именинам великолепное, в двенадцати томах, издание «Лютер Бёрбанк, его методы и открытия», с полутора тысячами цветных, художественно исполненных таблиц, освещающих этапы жизни этого гениального ботаника-самоучки из Калифорнии.

Инженер Протасов о подарке знал и это сочинение с интересом рассматривал, но он не мог подозревать, что вскоре после поднесения подарка мистер Кук, при помощи угроз убить себя, вымолил у Нины вечернее свидание. Тайная, неприятная для Нины встреча состоялась в кедровой роще, недалеко от башни «Гляди в оба». В чистом небе плыл молодой серп месяца, прохладный воздух пах смолой. Мистер Кук поцеловал Нине руку, упал перед нею на колени и заплакал. Нину била лихорадка. Мистер Кук от страшного волнения потерял все русские слова и, припадая высоким лбом к ее запыленным туфелькам, что-то бессвязно бормотал на непонятном Нине языке. Нина подняла несчастного, держала его похолодевшие руки в своих горячих руках, сказала ему:

— Милый Альберт Генрихович, дорогой мой! Я ценю ваши чувства ко мне. Я вас буду уважать, буду вас любить как славного человека. Не больше.

— О да! О да! На чужой кровать рта не разевать!.. — в иступлении заорал мистер Кук, резко рванулся, выхватил из кармана револьвер и решительно направил его в свой висок. Нина с визгом — на него. Он бросился бежать и на бегу два раза выстрелил из револьвера в воздух, вверх. Вдруг вблизи раздался загроможденный женский крик.

— Помогите, помогите! Караул!! — и чрез просветы рощи замелькали пышные оборки платья вездесущей Наденьки, мчавшейся к башне «Гляди в оба».

Об этом странном происшествии инженер Протасов, конечно, ничего не знал. Забыла бы о нем и Нина, если б не шантажистка Наденька. Время от времени она льстивой кошечкой является в дом Громовых, получает от хозяйки то серьги, то колечко, то на платье бархату и всякий раз, прощаясь, говорит:

— Уж больше я вас не потревожу.

А мистер Кук, если б обладал даром провидца, может быть, и не стал бы стрелять из револьвера по-пустому вверх, он, может быть, и сумел бы тогда привести свою угрозу в исполнение. Он не мог предполагать, что предмет его неудачных вожделений — Нина — давно таит в своем сердце любовь к счастливому Протасову. Однако это чувство, полузаконное, но прочное, загнано Ниной на душевные задворки, затянуто густым туманом внутренних противоречий разума и сердца, пригнетено тяжелым камнем горестных раздумий над тем, что скажет «свет». Словом, чувство это было странным, страшным и таинственным даже для самой Нины. Неудивительно поэтому, что не только простоватый на жизненные тонкости мистер Кук, но и сам вдумчивый, внимательный Протасов не мог помыслить о том, что таится в сердце всегда такой строгой к самой себе, пуритански настроенной хозяйки. А между тем и сам Андрей Андреевич Протасов был слегка отравлен тем же самым дивным ядом, что и мистер Кук. Но принципы... Прежде всего принцип, целеустремленность — те самые идеи, в сфере которых он существовал, и, скованный иными, чем у Нины, настроениями, он ставил эти захватившие его идеи превыше всяческой любви.

Так существовал скрытый до поры тайный лабиринт пересечений от сердца к сердцу, от ума к уму. А над всем стояла сама жизнь с ее неотвратимыми законами, их же не прейдет ни один живой.

— Да, да... Очень прекрасные яблоки!.. А сливы еще вкусней, — смачно чавкая, говорил Протасов. — Ну что ж... Новая положительная ваша грань... Вообще вы...

— Что?

Инженер Протасов вытер о платок руки, вытер бритый строгий рот и бесстрастно взглянул через пенсне в большие, насторожившиеся глаза Нины.

— Вы могли бы быть чистопробным золотом, но в вас еще слишком много лигатуры.

Глаза Нины на мгновение осветились радостью и снова загрузили.

— Лигатура? То есть то, что нужно сжечь? Например?

— Сжечь то, что вам мешает быть настоящим человеком. Сжечь детскую веру в неисповедимую судьбу, во все сверхъестественное, трансцендентное...

— Выгнать отца Александра, церковь обратить в клуб, навсегда ограбить свою душу... Так? Благодарю вас!

— Ваш интеллект, я не скажу — душа, нимало не будет ограблен. Напротив, он обогатится...

— Чем?

— Свободой мировоззрения. Вы станете на высшую ступень человека. Вы не будете подчинять свое «я» выдуманным людям фетишам, заумным фата-морганам, вы вознесете себя над всем этим. Ведь истина всегда конкретна. Устремления вашего разума сбросят путы, цель вашей жизни приблизится к вам, станет реальной, исполнимой, вы вольной волей забудете себя и вольной волей отдадите свои силы людям, коллективу людей, обществу.

— Друг мой! — с пылом, но сдерживая нарастающее раздражение, воскликнула Нина. — Неужели вы думаете, что я, христианка, не работаю для общества? Моя вера зовет меня, толкает меня, приказывает мне быть среди униженных и оскорбленных. И по мере сил я — с ними. А относительно фетишизма — у меня свой фетиш, у вас — свой.

— У меня — народ.

— У меня тоже.

— У вас муж, семья, сытая жизнь. Через голову богатства вам трудно наблюдать нищету, обиду эксплуатируемых.